

Тан Шатан с детства не считал себя особо одарённым, но в боевых искусствах его талант был несомненным. То, что другие не замечали, для него было очевидным — движения, уязвимости, всё как на ладони.

— Начало похожее, концовка тоже. Должно быть, только начал учиться.

Сказав это, он повернулся к А Цзю и вдруг спросил:

— Ты... совсем не узнаёшь?

А Цзю, прислонившись к гробу, равнодушно отозвался:

— А с чего бы мне узнавать?

Тан Шатан с невозмутимым лицом смотрел вперёд. Хозяин и подросток продолжали гоняться друг за другом, с грохотом и стуком, поднимая тучи пыли.

Тан Шатан задумчиво наблюдал за этим пыльным представлением, немного помолчав, наконец ответил А Цзю:

— Потому что твои движения тоже отдалённо похожи.

А Цзю резко обернулся, вглядываясь в профиль Тан Шатана, но не увидел в нём и тени злого умысла.

Тан Шатан не разбирался в людях и не знал житейских тонкостей, но в боевых искусствах и убийственных приёмах разбирался отлично. Многочисленные стычки с людьми из Павильона Ушоу дали ему достаточно опыта, чтобы уловить некоторые закономерности в их стиле.

Если бы А Цзю встал сегодня пораньше, он бы увидел, как Тан Шатан на рассвете отрабатывает приёмы, и заметил бы, что тот повторяет движения Павильона Ушоу, а не Павильона Радужных Одежд.

А Цзю, не отрывая взгляда от лица Тан Шатана, легко нашёл отговорку:

— А если я скажу, что меня преследуют за кражу секретного манускрипта Павильона Ушоу, потому я их стиль и знаю, — поверишь?

Тан Шатан слегка задумался, опустив глаза на свою раненую ногу.

А Цзю, видя, что тот погрузился в раздумья, снова толкнул его локтем:

— Эй.

На этот раз он приложил больше силы, возможно, даже использовал внутреннюю энергию, чтобы подчеркнуть свою настойчивость. Тан Шатан покачнулся, прежде чем обернуться и ответить:

— Логично.

Не сказав, верит или нет.

А Цзю не отступал:

— Так веришь или нет?

Тан Шатан, подумав, ответил:

— Неважно, верю я или нет.

Он был убийцей, выполняющим приказ, и его единственная задача — убить главу Павильона Ушоу. Какие бы ни были у А Цзю связи с Павильоном, это не изменит цели.

С детства тётушка Чань твердила ему: раз уж он единственный в Павильоне Радужных Одежд, кто ни на что, кроме боевых искусств, не годен, то должен лишь подчиняться, не размышляя лишнего. Любые ненужные чувства и мысли — лишь помеха, они только уменьшат его и без того скудную ценность.

Много лет прошло, и Тан Шатан не считал, что полностью оправдал её ожидания. Но сейчас это требование оказалось кстати, избавив его от нежелательных сложностей.

Правда или ложь — не имело значения. Он мог спасти А Цзю или отпустить.

Пока тот не глава Павильона Ушоу, он не его цель.

А Цзю:

— ...

Очевидно, ответ Тан Шатана его не удовлетворил.

Тан Шатан считал, что вера не важна, а для него она была важна.

Он, глава Павильона Ушоу, вздумал использовать «обратный цветочный обман», переняв манеры Павильона Радужных Одежд, — и всё это так скоро раскрыть?

Провалиться, да ещё чтобы старейшины потом год за спиной смеялись?

Для тщеславного главы павильона быть целью убийства — куда ни шло, но быть посмешищем — ни за что. Надо было срочно придумать, как выкрутиться.

Пока гениальная мысль не пришла, он решил развеяться и успокоить нервы.

А Цзю метнулся вперёд и вклинился между гонящимися стариком и парнишкой. Присел, подсек старого, а младшего за шиворот приподнял. Подростку он натянуто, почти неестественно улыбнулся и спросил:

— Малый, кто твой учитель?

Парнишка весь затрясся, окаменел и молчал, настороженность так и сквозила в его взгляде.

А Цзю не рассердился, а пристально, дотошно разглядывал его лицо.

Благодаря подсказке Тан Шатана, глава павильона наконец понял, отчего стиль парнишки казался таким знакомым. Он был похож не на кого-то, а на него самого — каким он был три года назад.

Если похож на него, тогда...

А Цзю поднял парнишку и осмотрел со всех сторон, пока не нашёл за ухом след «чёрной метки».

За ухом у подростка была маленькая тёмная родинка. Из-за смуглой кожи её почти не было видно, не сразу и заметишь.

А Цзю лёгким движением пальца коснулся родинки, и та побледнела. Парнишка в руках у него забился сильнее:

— Отпусти! Что делаешь?!

А Цзю, с трудом сохраняя подобие добродушной улыбки, повторил:

— Спрашиваю, кто твой учитель?

Парнишка не поддавался:

— А с чего бы мне тебе рассказывать?

Видно, с детства возясь с такими сорванцами, как Ши Вэнь, глава павильона ответил с необычайным терпением и добротой:

— А хотя бы с того, что я могу купить тебе то, что ты хочешь.

Парнишка вытаращил глаза, ещё не поняв, к чему тот клонит, как А Цзю уже швырнул два серебряных слитка перед хозяином:

— Что ему надо — я плачу.

Хозяин поспешно подобрал серебро, потирая руки, и забормотал:

— Этих денег, кажись, маловато будет...

Не успел договорить, как получил ягодой боярышника по голове.

Хозяин ахнул, мысленно ещё не закончив ругательств в адрес предков обидчика, как услышал ледяной голос А Цзю:

— Противоядие.

Хозяин на мгновение застыл, а потом, словно получив помилование, поднял упавшую ягоду, обтёр её и расцвёл улыбкой:

— Хватит, хватит! Берите что угодно, господа!

А Цзю опустил парнишку на землю и самодовольно подбородок в его сторону поднял, словно говоря: «Видал, как я ловко всё устроил?»

Парнишка криво усмехнулся, но настороженность в глазах не исчезла.

А Цзю, прикидываясь доброжелательным, предложил:

— Раз уж цель одна, давай вместе пойдём? Так хоть друг другу поможем.

«Поможем» он сказал из вежливости — разве главе павильона помощь какого-то щенка нужна?

Но, к его удивлению, парнишка вдруг притих, а потом, ничуть не стесняясь, серьёзно кивнул.

— Вы, видать, приезжие и ничего тут не смыслите. Ладно, уж так и быть, пойдём вместе.

Парнишка был смышлёным. Увидев, как они с хозяином разговаривают, он сразу смекнул: эти двое, как и он, хотят через гроб связаться с Павильоном Ушоу.

Сам он в боевых искусствах ещё не силён, учитель появиться не может, так что для мести надо искать помощников покрепче — например, из того самого Павильона Ушоу, о котором с детства слышал. А если по дороге ещё и двое помощников будут — уже хорошо, хоть такими, как этот хозяин, помыкать не станут.

А Цзю:

— ...

«Молодой ещё — страха не знает», — подумал А Цзю, слегка поражённый слепой уверенностью парнишки.

Тот, ткнув себя в грудь, представился:

— Меня Фань Сяо зовут, Сяо — как в «храбрый, воинственный». А вас?

А Цзю вздохнул:

— А Цзю.

Фань Сяо, без намёка на почтительность, допытывался:

— Кто прозвище спрашивает? Настоящее имя твоё какое?

А Цзю, великодушно проигнорировав дерзость, ответил:

— Нету.

Какое ещё настоящее имя? Вот Тан Шатан — молодец, несколько дней ходит за мной и ни разу не спросил.

Фань Сяо не только не последовал его примеру, но и любил докапываться до сути:

— Как это нету? Родители твои неграмотные, что ли? В школу не ходили?

Терпение А Цзю лопнуло:

— ... Сказал же — А Цзю. Хватит болтать, спроси-ка лучше, как его зовут.

Фань Сяо наконец заметил Тан Шатана, который в одиночестве красовался поодаль. Уже собрался спросить, но слова застряли в горле.

Он вдруг вскочил от возбуждения и, ткнув пальцем в сторону Тан Шатана, закричал:

— Я тебя знаю! Ты же тот самый... ну, как его... точно, Вопрошающий об именах!

Услышав это, выражение лица Тан Шатана стало странным, и он едва слышно вздохнул.

У кого в юности не найдётся парочки воспоминаний, о которых вспоминать не хочется?

<http://bllate.org/book/16258/1462515>